

Не бывает настоящего писателя с абстрактным отношением к тому, о чём пишешь, мол, люблю вообще жизнь, люблю историю, культуру и всё, что с ними связано. Люби. Только ничего не выйдет, если нет своего кровного куса этой жизни. И даже если такой кусок есть – ничего не получится без личного, страстного и пристрастного к нему отношения. Без ощущения, которое сквозит в каждой строчке и которое ни с чем не спутаешь. Это ощущение можно назвать одним коротким словом: “моё”. Моё, потому что у меня уже всё слилось воедино: и жизненное дело, и то, как сверкнуло оно в слове, и то, как невыносимо трудно было этого добиться. Потому что верю лишь мурашам, бегущим по хребту. А бегут они, когда думаешь о “своём”. Великое счастье найти такое “своё”.

У Елены Тулушевой такое “своё” – это работа в центре помощи трудным подросткам. Такое “своё”, которое не каждому и по плечу. Действительно, натворит делов эта курица Лидка из рассказа “Первенец”. Забрюхатела, едва понимая, что делает, причём сама наркоманка, а отец будущего ребёнка, если его отцом можно назвать, с таким набором, что волоса́ дыбом встают. Бесплезное дело.

А ведь подумать: сколь людей хотят ребёночка, лечатся, мучаются, стараются, а не получается, а тут этой бичихе – пожалуйста. Несправедливость. Или урок? Почему она такая? Кто виноват: среда или характер? Гадать сколько угодно можно, почему живот мудрее мамыши... А ребёночек-то шевелится, интересно, он ножкой сейчас ударил или ручкой? А она хоть и бичиха, а ей тоже ласковое слово нужно, не безнадёжная она, и может, всё выправится? Может, непривычное для Лиды ласковое слово, сказанное врачом, сделает дело? “Всё у нас получится”. “У нас”. Надо же. Врачиха сказала “мы”. Ничего себе!

Сколько таких, как Лидка! И что с ними делать? Как я могу помочь? Или не могу? Вот! Главное произошло: уже заработали у читателя голова и сердце, потянулась ниточка размышлений. Почему врачиха вдруг по-человечески обратилась к Лиде? Почему автор решил оправдать её сочувствие тем, что она тоже в беде, что у неё сын – наркоман? Чтобы показать, что человек нынче не способен на добро без личной привязки? Что не поможет просто так, по человеческому долгу, по Божьей заповеди? Или это сюжетный ход? Для убедительности. Да. Всколыхнула... Есть над чем подумать.

Или вот этот Олег из рассказа “Близнец”. Пивной алкоголик... Да много их... таких. И названия-то всё у Елены Тулушевой – “Первенец”, “Близнец” –

будто подчёркивают изначальный созидательный замысел, преступно искорверканный человеком. Много их, таких, по Руси, искорёженных, коверкающих и свою жизнь, и чужую, изломанных и нуждающихся не в нравовании, а в тёплом слове, в материнской ласке.

Читатель, дотошная порода, спрашивает, что же Тулушева так пишет-то скупое? Где развёрнутые предложения, образные сравнения? Вообще классический литературный язык? Могла бы талантливая писательница продемонстрировать побольше языковых возможностей. Картин каких-то... Как-то “задержаться на кадре”.

Задержаться на кадре... Эх, ты! А ещё читатель! Ничего-то ты не понял. И забыл, поди, что есть вещи, которые в чёрно-белом изображении намного красноречивей, чем в цветном.

Задержаться на кадре... А ты детей растил? Не спал ночей? Да как до тебя донести, что не может Елена “задержаться”! Потому что так пинается ребёночек в Лидкином животе, что кажется, тебя саму по сердцу этой ножкой колотят! И потому, что Дашин дед может не дожить, пока ей разрешат в Россию приехать (рассказ “Домой”).

К своим героям Елена Тулушева относится, как мать к ребятишкам в большой семье. Заботливо-сдержанно. В таких семьях не принято афишировать чувства, “рвать страсть в клочки”, при этом поглядывая в зеркало: эффектно ли получается?..

Авторскому настрою соответствует и художественная манера Елены. Сдержанная, работающая простыми, но действенными средствами – динамично построенными диалогами, точно отобранными деталями. Буйная метафорика, изысканность описаний были бы неуместны в том суровом, скупом на выражение эмоций, а тем более – на многословные описания их мире, который из рассказа в рассказ воссоздаёт Елена Тулушева.

Оправдано и органичное использование языка городских окраин: нелепо пытаться заставить скинхеда Славу из одноимённого рассказа или ту же Лиду говорить изысканным языком литературной классики.

Не до изысков, когда надо успеть помочь, потом поздно будет.

А вы давайте, пишите пейзажи природные и культурные. На Руси всегда кто-то пейзажами любит, а кто-то – непутёвым детям сопли вытирает. И жалеет. И надежду даёт.